

В. С. С и н и к а

(Т и р а с п о л ь)

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ КОНСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ НА СКИФСКОМ МОГИЛЬНИКЕ III—II вв. до н. э. У с. ГЛИНОЕ НА ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ НИЖНЕГО ДНЕСТРА

Статья посвящена реконструкции одной из сторон скифской погребальной обрядности, связанной с семантикой конских погребений во входных ямах катакомб. Материалы, полученные при исследовании скифского могильника III—II вв. до н. э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра, стали базой для подобной реконструкции.

К л ю ч е в ы е с л о в а: конские погребения, скифский могильник у с. Глиное, погребальный ритуал, предметы узды.

С 1995 г. Днестровской археологической экспедицией Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко проводятся исследования скифского могильника III—II вв. до н. э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра. За время изучения памятника было получено достаточное количество материалов, позволяющих детально характеризовать погребальный обряд и материальную культуру населения, оставившего могильник у с. Глиное [Яровой и др., 1997а; 1997б; Яровой, Четвериков, 2000; Четвериков, 2002; Четвериков, Синика, 2002; Синика, 2004а].

Основными характеристиками погребального обряда могильника у с. Глиное являются: подкурганые захоронения, совершенные в катакомбах I, II, III и V типов по В.С. Ольховскому [1991, с. 26—28] со значительным доминированием последних двух типов сооружений; большое количество асинхронных, а также впускных погребений, свидетельствующих о неоднократности использования курганных насыпей, изредка окружавшихся рвами; доминирование меридиональной ориентировки погребенных (в катакомбах III и V типов) при крайне незначительном присутствии широтной (в катакомбах I и II типов) и др.

Наряду с некоторыми другими характерными чертами погребального ритуала особенный

интерес вызывает обряд захоронения собак [Синика, 2003; 2006; 2006а] и лошадей [Синика, 2004б] во входных ямах катакомб. Первый потому, что крайне редко фиксируется у скифов степей Северного Причерноморья, второй — поскольку позволяет с большой долей достоверности реконструировать одну из сторон скифской погребальной обрядности, связанную с семантикой конских захоронений. Именно такая реконструкция и является целью настоящей работы.

Погребения лошадей во входных ямах катакомб могильника у с. Глиное зафиксированы 13 раз.

Отметим, что подобный обряд был достаточно хорошо известен скифам северопричерноморских степей в предшествующее время. Так, В.С. Ольховский указывает на десять подобных случаев в погребениях IV—III вв. до н. э. [Ольховский, 1991, с. 117], однако их число заметно выросло за последние два десятилетия.

В частности, в Дунай-Днестровском степном междуречье отмечено восемь погребений лошадей во входных ямах, что составляет 3,68 % от общего числа катакомб [Синика, 2007, с. 16]: погребения 13/1 могильника Кубей, 22/1 у с. Васильевка [Субботин и др., 1992, с. 11, 13], 2/5 у пгт. Каролино-Бугаз [Загинайло и др., 1987, с. 103] и ряд других захоронений в катакомбах [Редина, 1989, с. 32].

В Побужье известны два погребения в катакомбах, во входных ямах которых были положены целые лошади. В кургане у г. Николаева на дне входной ямы лежали две лошади, а в погребении 26/1 у с. Александровка одна взнузданная и оседланная лошадь [Гребенников, 2008, с. 76].

Целый ряд скифских погребений с захоронениями лошадей во входных ямах исследован в Поднепровье. По одной анатомически целой лошади было положено во входные ямы погребений 29/1 и 44/1 группы Гаймановой Могилы [Тереножкин и др., 1977, с. 187—188, рис. 42; Болтрик, Фіалко, 2005, с. 246, рис. 6, 3], кургана 3 группы VIII у с. Балки [Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 173—174], 15/1 группы Волчанск-1 [Полин, Кубышев, 1997, с. 14, рис. 13, 2) и 29/1 могильника Мамай-Гора [Андрух, Тощев, 1999, с. 144, рис. 41, 8]. В катакомбе кургана 10, исследованного у с. Владимировка, находилось чучело лошади: шкура коня с подогнутыми передними и задними конечностями во входной яме и череп с шейными позвонками в погребальной камере (чучело не поместилось во входной яме). На черепе лошади были обнаружены предметы узды, еще три пары удила и две пары псалиев находились в камере за головой погребенного [Чередниченко, Болдин, 1977, с. 144—145, 149, рис. 17, 8]. Особый случай представлен в сопровождающем погребении в катакомбе I типа Братолюбовского кургана, где во входной яме находилось захоронение лошади, а в погребальной камере — подростка без какого бы то ни было инвентаря [Кубышев др., 2009, с. 22, рис. 14]. Как ранее уже отмечалось исследователями, именно камера предназначалась для погребения лошади (по аналогии с комплексами курганов Ташенак, Казенная Могила др.), но по каким-то причинам лошадь была положена во входную яму [Болтрик, Фіалко, 2005, с. 244, рис. 1, 2]. Во входной яме катакомбы кургана 9 группы I у с. Капуловка находились две взнузданные и оседланные лошади [Тереножкин и др., 1973, с. 118, рис. 6; Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 174]. По три целые лошади были обнаружены на дне входной ямы Северной могилы кургана Огуз и бокового погребения кургана 2 у с. Большая Знаменка [Болтрик, 1981, с. 234; Болтрик, Фіалко, 2005, с. 246, рис. 6, 1, 2]. В Хоминой Могиле (курган 13 у с. Нагорное) были исследованы две катакомбы с захоронениями лошадей в отдельных камерах: в погребении 1 кургана дополнительные камеры с захоронениями взнузданных анатомически целых лошадей были устроены в северной и южной стенке входной ямы; во впускном захоронении 2 была устроена одна дополнительная камера, также со взнузданной лошадей — в северной стене входной ямы [Мозолевский, 1973, с. 213—220, 225, рис. 24—26, 33; Ольховский, 1991, с. 117, табл. XI, 2; XIV, 7].

В Присивашье сопровождающие погребения лошадей известны на Водославском могильнике: во впускных входных ямах основных погребений курганов 1 (две лошади без черепов) и 6 (анатомически целый костяк), а также во входной яме (целая взнузданная лошадь) и дромосе (отдельный взнузданный череп лошади)

впускного погребения 4 кургана 8 [Куприй, 1994, с. 107; Куприй, Данилко, 2004, с. 46—47; Куприй, 2009, с. 85].

Помимо погребения лошадей во входных ямах на могильнике у с. Глиное о роли коня в погребальном обряде свидетельствуют упомянутые выше захоронения этих животных в отдельных погребальных камерах, а также находки предметов узды в погребальных камерах вместе с хозяином. Этим вопросам была посвящена специальная работа [Синика, 2004б], что не отменяет необходимости уточнения некоторых данных на настоящий момент в связи с накоплением нового материала.

Конские захоронения могут быть разделены на три группы: анатомически целые, захоронения черепа и конечностей, захоронения отдельных черепов.

Анатомически целые костяки лошадей были обнаружены в пяти погребениях могильника у с. Глиное — 3/1, 17/1, 18/2, 51/1 (один из костяков) и 68/1. Некоторые из них расположены на боку (3/1, 18/2, 68/1), другие — с подогнутыми под себя ногами (17/1, 51/1), но в любом случае черепом по направлению к дромосу и основной погребальной камере.

Чучела лошадей (захоронения черепа и конечностей с имитацией анатомического порядка) составляют наиболее многочисленную группу на могильнике у с. Глиное (2/2 — основной входной колодец, 5/1, 16/1, 18/1, 20/1, 39/1, 48/1, 49/1, 51/1, 64/1). В большинстве случаев чучела коней черепами направлены также в сторону дромоса и погребальной камеры.

В.С. Ольховский не исключает возможности использования черепов и конечностей для создания чучел [Ольховский, 1991, с. 117]. Так, например, череп, две лопатки и кости ног коня, обнаруженные над могильной ямой погребений 29/2 группы Гаймановой Могилы, интерпретируемые авторами публикации как «остатки жертвоприношения» [Тереножкин и др., 1977, с. 190], по нашему мнению, являлись чучелом лошади, которое положили поверх ямы после ее засыпки. Таким образом, предположение В.С. Ольховского находит свое подтверждение не только в катакомбах могильника у с. Глиное, но и в других скифских комплексах Северного Причерноморья, в том числе и в Дунай-Днестровских степях. В частности, в погребении-кенотафе 6/1 у с. Балабаны, совершенном в яме и датирующемся IV в. до н. э., помимо гераклеийской амфоры был обнаружен череп лошади и кости ног [Чеботаренко и др., 1989, с. 29, рис. 11, 2], составлявшие, по нашему мнению, чучело.

Третья группа — захоронение конских черепов — наименее репрезентативна на могильнике у с. Глиное. В нее входят погребения 2/2 (впускной входной колодец), 34/1 и 53/1 могильника у с. Глиное, во входных ямах которых обнаружены отдельные конские черепа.

Еще Д.С. Раевский прямо указывал на то, что в ритуальной практике голова часто рассматривается «как эквивалент, полноценный заместитель всего существа» — принцип *pars pro toto* [Раевский, 2006, с. 409]. В Дунай-Днестровских степях обряд помещения отчлененного конского черепа зафиксирован в погребении 13 кургана V в. до н. э. у г. Арциз в Подунавье. Череп с предметами узды был обнаружен в отдельной яме вместе с захоронением целой взнузданной лошади, сопровождавшей погребение знатного воина [Алексеева и др., 1997, с. 51, 53]. В основной входной яме погребения 11/1 группы Гаймановой Могилы в Поднепровье перед входом в дромос лежал череп лошади без предметов узды [Тереножкин и др., 1977, с. 166]. Отдельный череп лошади с предметами узды был обнаружен в дромосе впускного погребения 4 кургана 8 Водославского могильника в Северном Присивашье [Куприй, Данилко, 2004, с. 47]. Также череп с удилами и трензельными кольцами был найден во входной яме погребения 9/1 у с. Пески в Побужье [Гребенников, 1987, с. 153; 2008, с. 76]. Отметим, что практика захоронения конских черепов, в некоторых случаях с предметами узды, известна в скифских погребениях Центрального и Северного Кавказа. Б.В. Техов выделяет захоронения № 68 и № 216 Тлийского могильника, в которых были погребены «почетные представители общества, так как обнаруженные в погребениях конские черепа и предметы узды (удила, псалии и т. д.) связаны с обрядом жертвоприношения коней» [Техов, 1980а, с. 253—254; 1980б, с. 42].

В восьми комплексах могильника у с. Глиное конские погребения находились в основных входных ямах (2/2, 5/1, 17/1, 39/1, 48/1, 51/1, 64/1, 68/1), в шести — во впускных входных ямах (2/2, 16/1, 18/1, 20/1, 34/1, 53/1), в трех — в отдельных погребальных камерах, расположенных к северу от основной входной ямы (3/1, 18/2, 49/1). Обращает на себя внимание тот факт, что захоронения лошадей сопровождали не только мужские погребения: при подзахоронении женщины в камеру катакомбы 16/1 во впускной входной яме было положено чучело лошади; отчлененный череп лошади находился во впускной входной яме погребения 53/1 и также связан с погребением женщины в камере.

Четыре погребенные лошади были взнузданы (3/1, 5/1, 18/2, 49/1), три — взнузданы и оседланы (17/1, 51/1 — анатомически целый костяк, 68/1), однако чаще костяки лошадей не сопровождались предметами узды и седловки (2/2, 16/1, 18/1, 20/1, 34/1, 39/1, 48/1, 51/1 — чучело, 53/1, 64/1). Как правило, предметы конского снаряжения в погребениях могильника у с. Глиное встречаются в погребальных камерах (22 случая), в основных (8 случаев) или впускных (2 случая) входных ямах; при этом погребение лошади отсутствует. Таким образом, на могильнике у с. Глиное погребения лошадей и

предметы узды обнаружены в 43 погребениях (см. таблицу).

Приведенные данные позволяют с большой долей достоверности реконструировать одну из сторон скифской погребальной обрядности, связанную с семантикой конских захоронений. Дошедший до нас нартский эпос, связь которого со скифским доказана в работах крупных исследователей [Дюмезиль, 1990; Раевский, 2006, с. 302; там же см. литературу], содержит легенду о богатыре Сослане, который отправляется верхом на коне в мир мертвых и возвращается обратно. Во время пребывания героя в нижнем мире его конь погибает вследствие происков Сырдона — только на чучеле коня, набитом соломой, Сослану удастся вернуться в мир живых [Раевский, 2006, с. 311]. Ж. Дюмезиль приводит три варианта этого сказания (два осетинских — о Сослане и один абхазский — о Сасрыкве), повествующих о том, что перед смертью от стрел врагов верный конь героя сообщает хозяину, чтобы тот снял с него шкуру, набил ее соломой и зашил попрочнее. Сослан поступает так, как ему советует конь, ему удается выбраться из мира мертвых, но его конь все же погибает, вторично сраженный стрелами [Дюмезиль, 1990, с. 194—196].

Данная легенда в полной мере иллюстрируется комплексом погребения 53/1 могильника у с. Глиное. Во входной яме катакомбы лежали две лошади — анатомически целый костяк и чучело. Первую в контексте приведенной легенды можно рассматривать как лошадь, предназначенную для спуска в мир мертвых, а вторую (чучело) — для возвращения из него. Для остальных комплексов, где было обнаружено по одному целому скелету, чучелу или по одному комплекту узды во входных ямах, можно констатировать принцип *pars pro toto* — когда отдельная часть замещает целое [Кузьмина, 1977, с. 99; Очир-Горяева, 2002, с. 140; Раевский, 2006, с. 409].

Интересен тот факт, что в черепе коня из погребения 53/1 был обнаружен бронзовый наконечник стрелы, имитирующий, по-видимому, причину смерти животного, в действительности причиной смерти не являющийся. Аналогичной позиции придерживается С.В. Полин, который, отрицая возможность умерщвления коня с помощью стрел, не сомневается в насильственном способе перехода коней в потусторонний мир. Находки отдельных наконечников стрел внутри черепа коня № 1 в Бабиной Могиле, между ребрами коня № 1 в Водяной Могиле, на груди коня № 2 в кургане Желтокаменка, в конской могиле № 2 в шее коня № 1, а также в составе украшений узды коня № 5 в конской могиле при впускном погребении кургана Солоха, позволили исследователю высказать предположение о «неком ритуальном моменте, требовавшем определенного «обозначения»» [Мозолевский, Полин, 2005, с. 300—301]. По на-

Таблица. Погребения лошадей и предметы узды на могильнике у с. Глиное.

№	Погребение	Погребение лошади	Место погребения	Предметы узды	Размещение узды
1	2/2	чучело	осн. вх. яма	—	—
		череп	вп. вх. яма	—	—
2	3/1	костьяк	в отд. камере	удила, псалии	на лошади
3	4/1	—	—	удила, псалии, тр. кольца, налобник	в камере
4	5/1	чучело	осн. вх. яма	удила, псалии	на лошади
5	6/3	—	—	псалии	в камере
6	9/1	—	—	псалий	в камере
7	14/1	—	—	удила, псалии, тр. кольца, налобник, бляхи	в камере
8	16/1	чучело	вп. вх. яма	псалии	в осн. вх. яме
9	17/1	костьяк	осн. вх. яма	бусина, удила, псалии, тр. кольца, сед. пряжка, седло?	на лошади
10	18/1	чучело	вп. вх. яма	—	—
11	18/2	костьяк	в отд. камере	удила, псалии, тр. кольца, узд. пряжка, налобник, пронизи сед. пряжка, седло?	на лошади
12	19/2	—	—	удила, псалии, тр. кольца, седло?	в камере
13	20/1	чучело	вп. вх. яма	—	—
14	21/1	—	—	удила, псалии, тр. кольца, налобник	в камере
15	25/1	—	—	удила, псалии, тр. кольца, налобник	в камере
16	26/1	—	—	удила	в камере
17	31/1	—	—	удила, псалии, тр. кольца, налобники, пронизи, фалары, узд. пряжка	в камере
18	34/1	череп	вп. вх. яма	—	—
19	39/1	чучело	осн. вх. яма	—	—
20	40/1	—	—	удила	в осн. вх. яме
21	43/2	—	—	удила, псалии	в камере
22	48/1	чучело	осн. вх. яма	удила	в камере
23	49/1	чучело	в отд. камере	удила, псалии, тр. кольца	на лошади
24	51/1	костьяк	осн. вх. яма	удила, псалии, тр. кольца, бусина, узд. пряжка, седло?	на лошади
		чучело	яма	—	—
25	53/1	череп	вп. вх. яма	псалий	в осн. вх. яме
26	54/3	—	—	узд. обоймы	в камере
27	56/1	—	—	сед. пряжка	в камере
28	63/1	—	—	удила, псалии, тр. кольца	в камере
29	64/1	чучело	осн. вх. яма	удила, псалии	в камере
30	66/1	—	—	удила	в осн. вх. яме
31	68/1	костьяк	осн. вх. яма	удила, псалии, сед. пряжка, седло?	на лошади
32	69/2	—	—	тр. кольцо	в осн. вх. яме
33	71/1	—	—	псалии, тр. кольца, сед. пряжка	в камере
34	74/1	—	—	удила, псалии	в камере
35	77/1	—	—	псалии	во вп. вх. яме
36	80/1	—	—	удила	во вп. вх. яме
37	88/1	—	—	удила, псалии	в осн. вх. яме
38	91/2	—	—	сед. пряжка	в камере
39	93/1	—	—	удила, псалии, тр. кольца, сед. пряжка	в камере
40	96/1	—	—	удила, псалии, тр. кольца, сед. пряжка	в камере
41	97/1	—	—	удила, псалии, тр. кольца, пронизи, бляхи, налобник, седло?	в камере
42	100/1	—	—	удила, псалии	в камере
43	103/1	—	—	псалий	в камере

шему мнению, находки наконечников стрел во всех вышеперечисленных погребениях, а также в захоронении 53/1 могильника у с. Глиное являются дополнительным свидетельством отражения в скифской погребальной обрядности скифского эпоса — именно с помощью стрел врагам Сослана удастся дважды сразить верного коня героя: после его спуска в мир мертвых и во время его возвращения в мир живых на чучеле, набитом соломой [Дюмезиль, 1990, с. 73, 194—196].

Предметы узды, обнаруженные во входных ямах катакомб, достоверно соотносятся с мужскими погребениями четыре раза, в трех комплексах установить соотношение узды с мужским или с женским костяком не представляется возможным. Еще один раз они были обнаружены на дне входной ямы погребения-кенотафа 40/1.

Предметы конского снаряжения в погребальных камерах предназначались для взнуздывания и седловки лошади перед выездом из мира мертвых, равно как во время путешествия в загробном мире. Так в погребении 18/2, в дополнительной камере находилась анатомически целая взнузданная лошадь, а предметы седловки (седло и седельная пряжка) — в основной камере, возле хозяина. В захоронениях 48/1 и 64/1 чучела лошадей находились во входной яме, а удила и псалии — в погребальных камерах.

Несколько сложнее обстоит дело с интерпретацией предметов конского снаряжения, обнаруженных в погребальных камерах катакомб, во входных ямах которых не было погребения лошади. С одной стороны, предметы узды в камерах могли символизировать, т. е. замещать саму лошадь, с другой — предметы узды могли предназначаться для взнуздывания лошади в том случае, если во входной яме саму лошадь замещала какая-то, не фиксируемая археологически, ее часть (шкура, волос и т. д.).

Примечательно, что большинство таких комплексов обнаружено в одиночных мужских погребениях (10 случаев) либо соотносятся с мужскими костяками в асинхронных комплексах (6 случаев). В одном случае предметы обнаружены в парном захоронении. Отмечено всего три женских захоронения с предметами узды: два одиночных и одно асинхронное. В последнем комплексе связь предметов узды с женским костяком установлена достоверно. Отметим, что комплекты узды из захоронений 31/1 и 97/1, сооруженных для погребения высшей аристократии могильника у с. Глиное, были самыми представительными на могильнике по своему составу и качеству входящих в них предметов. Только в состав этих двух наборов узды входили детали нагрудных уборов: фалары и кольцевидные пронизи (31/1), кольцевидные пронизи и перстневидные бляхи (97/1), которые, как отмечал Б.Н. Мозолев-

ский, встречаются не только с погребениями верховых коней, сопровождающих захоронения мужчин, но и среди «комплектов культового снаряжения передвижных храмов женских погребений» и являются «ярким доказательством принадлежности лиц ... к сословию, сосредоточившему, по крайней мере, в IV в. до н. э. не только политическую власть, но и высшие сакральные функции» [Тереножкин, Мозолевский, 1988, с. 176—177].

Завершая анализ данного элемента обрядности, выделим следующие элементы: захоронения лошадей сопровождают и мужские, и женские погребения, хотя первые чаще; зачастую погребения лошадей замещают предметы узды, положенные во входную яму или камеру, в последнем случае они могли также предназначаться для взнуздывания и седловки лошадей, погребенных во входной яме или дополнительной камере; обряд помещения лошади и предметов узды символизировал спуск в мир мертвых и последующее возвращение в мир живых.

Алексеева И.Л., Охотников С.Б., Редина Е.Ф. Скифское погребение у г. Арциз // Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварской культур (IV в. до н. э. — IV в. н. э.). — 1997. — С. 48—55.

Андрух С.И., Тоцев Г.Н. Могильник Мамай-Гора. Книга I. — Запорожье, 1999.

Болтрик Ю.В. Исследование кургана Огуз // АО 1980 г. — 1981. — С. 233—234.

Болтрик Ю.В., Фіалко О.Є. Кінь як складова поховальної церемонії скіфів // ССПіК. XII. — 2005. — С. 236—254.

Гребенников Ю.С. Курганы скифской знати в Поингулье // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. — 1987. — С. 148—158.

Гребенников Ю.С. Киммерийцы и скифы Степного Побужья. — Николаев, 2008.

Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. — М., 1990.

Загинайло А.Г., Черняков И.Т., Петренко В.Г. Каролино-Бугазский могильник // Новые исследования по археологии Северного Причерноморья. — 1987. — С. 99—108.

Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII—IV вв. до н. э. — К., 1983.

Кубышев А.И., Бессонова С.С., Ковалев Н.В. Братолюбковский курган. — К., 2009.

Кузьмина Е.Е. Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы. — 1977. — С. 96—119.

Куприй С.А. О некоторых особенностях скифских погребальных памятников Присивашья // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья: Тез. докл. междунар. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения профессора Б.Н. Гракова. — 1994. — II. — С. 106—107.

Куприй С.А. Оригинальные погребальные сооружения скифского времени из Присивашья // ССПіК. — 2009. — XV. — С. 85—89.

Куприй С.А., Данилко Н.М. Конские погребения Водославского могильника // Від Кіммерію до Сарматії: 60 років відділу скифо-сарматської археології. — 2004. — С. 46—48.

Мозолевский Б.Н. Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине // Скифские древности. — 1973. — С. 187—234.

Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. (Бабина, Водяна и Соболева Могилы). — К., 2005.

Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII—III вв. до н. э.). — М., 1991.

Очир-Горяева М.А. Предметы конской узды и конь в погребальном обряде кочевников Евразии в скифскую эпоху // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища: М-лы науч. конф. — 2002. — Ч. 2. — С. 137—145.

Полин С.В., Кубышев А.И. Скифские курганы Утлюкского междуречья (в Северо-западном Приазовье). — К., 1997.

Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н. э. // Раевский Д.С. Мир скифской культуры. — М., 2006. — С. 265—574.

Редина Е.Ф. Погребальный обряд скифов Днестро-Дунайских степей // Археологические памятники степей Поднепровья и Подунавья: Сб. науч. тр. — 1989. — С. 25—34.

Синика В.С. О культе собаки у скифского населения Северного Причерноморья в VI—II вв. до н. э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное время: Рез. докл. XI Международ. науч. конф. (31 мая — 5 июня 2003 г.). — 2003. — С. 23.

Синика В.С. К вопросу о хронологии памятников Тираспольской группы // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре: М-лы II Судака. междунар. науч. конф. (12—16 сентября 2004 г.). — 2004а. — Ч. I. — С. 110—113.

Синика В.С. Конь в погребальном обряде на могильнике позднескифского времени у с. Глиное // ССПіК. — 2004б. — XI. — С. 237—239.

Синика В.С. О культе собаки у скифского населения Северного Причерноморья в VI—II вв. до н. э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное время: Сб. ст. по м-лам XI Междунар. конф. — 2006а. — С. 58—60.

Синика В.С. Собака в погребальном обряде варварского населения Северного Причерноморья в скифо-сарматское время // Археологическое изучение Центральной России: Тез. Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения В.П. Левенка. — 2006б. — С. 219—222.

Синика В.С. Погребальные памятники скифской культуры VII — начала III в. до н. э. на территории Днестро-Прутско-Дунайских степей: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — М., 2007.

Субботин Л.В., Островерхов А.С., Охотников С.Б., Редина Е.Ф. Скифские древности Днестро-Дунайского междуречья. — К., 1992.

Тереножкин А.И., Ильинская В.А., Черненко Е.В., Мозолевский Б.Н. Скифские курганы Никопольщины // Скифские древности. — 1973. — С. 113—186.

Тереножкин А.И., Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н. Скифский курганный могильник Гайманово Поле // Скифы и сарматы. — 1977. — С. 152—199.

Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н. Мелитопольский курган. — К., 1988.

Чеботаренко Г.Ф., Яровой Е.В., Тельнов Н.П. Курганы Буджакской степи. — Кишинев, 1989.

Чередниченко Н.Н., Болдин Я.И. Скифские курганы у с. Владимировка // Курганы юга Днепропетровщины. — 1977. — С. 125—150.

Четвериков И.А. Варварское население левобережья Нижнего Днестра во второй половине III в. до н. э. (попытка этнополитической реконструкции Тираспольской группы) // Северное Причерноморье: от энеолита к античности: Сб. науч. ст. — 2002. — С. 234—245.

Четвериков И.А., Синика В.С. Катакомбы II типа в Тираспольской группы // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. — V век н. э.): М-лы III Междунар. конф. (Тирасполь, 5—8 ноября 2002 г. — 2002. — С. 299—305.

Яровой Е.В., Четвериков И.А., Субботин Л.В. Новый курганный могильник скифской культуры в Нижнем Поднепровье // Никоний и античный мир Северного Причерноморья: Сб. науч. ст. Междунар. археол. конф. — 1997а. — С. 251—255.

Яровой Е.В., Четвериков И.А., Субботин Л.В. Погребальный обряд скифского курганного могильника у с. Глиное (по данным раскопок 1995—1997 гг.) // ЧАК. — 1997б. — I. — С. 14—19.

Яровой Е.В., Четвериков И.А. К вопросу о культурной принадлежности памятников Тираспольской группы (в свете исследований могильника у с. Глиное) // ЧАК. — 2000. — II. — С. 3—28.

В. С. Синика

ДО ПИТАННЯ ПРО СЕМАНТИКУ КІНСЬКИХ ПОХОВАНЬ НА СКІФСЬКОМУ МОГИЛЬНИКУ III—II ст. до н. е. БІЛЯ с. ГЛИНЕ НА ЛІВОБЕРЕЖЖІ НИЖНЬОГО ДНІСТРА

Стаття присвячена реконструкції однієї з особливостей скіфської поховальної обрядовості, пов'язаної із семантикою кінських поховань у вхідних ямах катакомб. Матеріали, одержані при дослідженні скіфського могильника III—II ст. до н. е. біля с. Глинт на лівобережжі Нижнього Дністра, стали базою для подібної реконструкції.

В. С. Синика

TO THE QUESTION ABOUT SEMANTICS OF HORSE BURIALS ON THE SCYTHIAN BURIAL GROUND OF III—II BC NEAR GLINOE ON LEFT- BANKNESS OF BOTTOM DNISTER

This article is dedicated to reconstruction of the one side of the scythian funeral rite connected with semantics of horse burials in the entrance wells of catacombs. The materials received during the excavations of the scythian cemetery of III—II centuries BC near Glinoe village on the left bank of the Lower Dniester became a base for similar reconstruction.